

Л.Н. Толстой И Е.И. Черткова

«Просто хотелось бы попросить
Лиз[авету] ИВ[ановну], чтобы она не не
любила меня...»

ТРУДНО ПЕРЕОЦЕНИТЬ ТУ РОЛЬ, КОТОРУЮ СЫГРАЛ Владимир Григорьевич Чертков в жизни Льва Николаевича Толстого. В свою очередь, его мать Елизавета Ивановна была одним из самых важных людей в жизни В.Г. Черткова. Их отношения были и очень близкими, и весьма непростыми, что не могло не сказаться на отношениях между Елизаветой Ивановной и Львом Николаевичем. Именно мать с детства приучила Черткова к чтению Евангелия. Постепенно он стал стремиться самостоятельно уяснить себе смысл христианства и не принимать на веру чужие слова. Отказ Черткова от военной карьеры и его благотворительная деятельность были неоднозначно восприняты Елизаветой Ивановной, хотя она старалась понять его мотивы и писала ему: «Мальчик мой, не хочу, чтобы ты думал, что я не сочувствую твоей внутренней жизни...; цель моя, как и твоя, чтобы не было вещей не по совести».^[1] К моменту знакомства с Л.Н. Толстым в 1883 г. В.Г. Чертков, уже имевший собственные представления о христианской вере, не знал о его религиозных убеждениях, поскольку произведения, в которых Толстой их описывал, не могли быть напечатаны по цензурным соображениям.

^[1] Цит. по: Муратов М. В. Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков по их переписке. Москва, Государственный толстовский музей, 1934, с. 58.

Елизавета Черткова вместе с сыном Владимиром и внуком.

Мать В.Г. Черткова часто неодобрительно высказывалась по поводу взглядов Толстого и его роли в жизни сына, однако были и периоды ровных и теплых отношений между ней и Толстым. Причиной изменений как в ту, так и в другую сторону являлись и религиозные убеждения Елизаветы Ивановны, и особенности ее характера, насколько об этом можно судить по письмам и воспоминаниям участников событий.

Первое упоминание об отношении Елизаветы Ивановны к Льву Николаевичу находим в письме Толстого Черткову в июне 1884 г., в котором он высказывает предположение, что она относится к нему враждебно, но вместе с тем просит передать ей его любовь, потому что он не может не

любить ее как мать того, кто ему так близок. В.Г. Чертков пишет по этому поводу:

«Мать моя поручает мне искренно поблагодарить вас за дружеский привет и передать вам, что она не может к вам ни в каком случае враждебно относиться. На нашу же (мою) дружбу с вами она смотрела бы радостнее, если бы была уверена, что сын ее стоит твердо на непоколебимой скале, т. е. Христе; но она не хочет скрыть от вас, который так откровенно к ней обращается, что часто ею овладевает огромная грусть при мысли, что человек, подобный вам, — не у ног Спасителя-Искупителя и что служит своим умом и сердцем враждебному Христу лагерю».^[2]

В ответном письме Толстой замечает:

«Удивительное дело (как это им самим не бросается в глаза!), ваша мать, Пашков..., православные, католики, атеисты осуждают, отвергают меня (христиане часто противно учению Христа делают мне больно), но я не только не осуждаю их..., но приветствую их на истинном пути всякий раз, как они стоят на нем, радуюсь их успехам».^[3]

То, что Толстого глубоко огорчала эта ситуация, видно и по записи в Дневнике от 12 июля 1884 г.: «Два письма от Черткова. Мать его, как и следует, ненавидит меня».^[4]

В мае 1885 г. В.Г. Чертков в письме Л.Н. Толстому описывает тяжелый разговор, который состоялся у него с матерью:

«Наружно мы... ладили последнее время. Но внутри существует полное разобщение, которое очень меня давит. Совершенно случайно... у нас завязался разговор о Христе и Евангелии. Вдруг без вся-

^[2] Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 85, с. 82.

^[3] Там же, с. 77

^[4] Толстой Л. Н. ПСС. Т. 49, с. 112.

кого повода с моей стороны она напала на меня, говоря, что я повторяю ваши слова. (Я говорил от себя то, что думаю уже по крайней мере 6 лет, и не упоминал о вас.) Не стану повторять вам всех тех несправедливых и жестоких обвинений, которые возводили на вас. Мне было больно и вместе с тем я был возмущен... Я как-то яснее увидел, какая непреодолимая стена стоит между ими и мною...».^[5]

На это Толстой отвечает: «Мне было больно и нужно знать, тоже для унижения себя».^[6]

В июле 1885 г. В.Г. Чертков в письме из Англии делится с Л.Н. Толстым чрезвычайно важными для себя размышлениями об отношениях с матерью:

«Покончив все свои дела, я сегодня утром распростился с матерью... взял билет до Петербурга. Мать заплакала при прощанье, вообще ее лицо выражало ужасную тоску... Я много думал о вопросе о причинении другим огорчения по поводу некоторых ваших мыслей на этот счет. Но я не могу решить его в том смысле, что во что бы то ни стало никого не следует огорчать и что, раз другие огорчаются мною, то значит я поступаю не по-христиански и следует прекратить то, что огорчает. Если признать, что, поступая по-христиански, человек никогда никого не огорчит, то пришлось бы тогда с волками жить, по-волчьи выть, всегда исполнять желания тех, среди которых в данную минуту находишься... Я понял следующее. Пока — главная цель моей жизни — мать... Следовательно,

считая отношения к матери своей главной задачей, я должен, по крайней мере, достигать этой главной цели. А этого я еще и не сделал».^[7]

Ответное замечание Толстого также очень важно для понимания глубины его отношений с Чертковым и сущности его собственных жизненных принципов:

«Я так гадок, что когда мне случится сделать также, как вот вам теперь, поступок самый простой и естественный, я сейчас же называю его себе хорошим поступком, даже жертвой, ставлю его себе в заслугу и этим довольством собою испорчу все дело, сделаю хуже. — Не сердитесь, милый друг, что я это говорю вам из боязни, чтобы с вами того же не случилось».^[8]

К концу года отношения Черткова с матерью улучшаются, и Толстой в письмах передает привет «Лизавете Ивановне и всем друзьям». Но к ноябрю 1886 г. отношения снова портятся. Чертков подробно пишет об этом Толстому в нескольких письмах:

«Да, так как знаю, что это вас интересуется, то я хотел сказать вам про наши отношения к моей матери. Покуда они идут ровно, и как мне кажется, со дня на день улучшаются, за исключением тех дней, когда мать очевидно не в своей тарелке... Чувствуется, конечно, та ужасная роковая стена фанатической исключительности, которую мать сама себе поставила по отношению ко всем, не одинаково с ней понимающими догматы искупления и проч.».^[9]

В следующем письме Чертков, описывая терпеливое отношение жены к его матери, замечает:

«У Гали [Анны Константиновны Чертковой] именно такой характер,

^[5] Л. Н. Толстой. ПСС. Т. 85, с. 186.

^[6] Там же, с. 185.

^[7] Там же, с. 242-243.

^[8] Там же, с. 241.

^[9] Там же, с. 412.

что она выслушает, но не подольет масла в огонь, а наоборот скажет тихо, кротко именно что нужно. Для матери это гораздо лучше, чем одной искать в излюбленных евангельских “текстах” и молитве силы для перенесения воображаемого креста... Когда посмотрю на ее сжатые губы и холодный, самоправедный взгляд..., когда почувствую ту стену, которую она сама, или ее вера, воздвигла между нами и которую она почему-то так старательно поддерживает, тогда — а это бывает часто — я чувствую в себе какое-то холодное, черствое отношение к ней».^[10]

Получив эти письма, Толстой упрекает Черткова в неумении установить любовные отношения с матерью:

«Ведь они должны быть. Если нет, то вы виноваты. Тут и толковать нечего. Избави Бог, главное, объяснить, почему это, как вы делаете в одном из писем. Причина одна, что мы плохи... В нас гадость какая-нибудь очень определенная: самолюбие, гордость, какая-нибудь неясность в своем понимании жизни, какое-нибудь внутреннее противоречие».^[11]

В ответ Чертков рассказывает Толстому о мнении о нем его матери, которую он перед этим пытался убедить в том, что она зря считает Толстого его соблазнителем в смысле выбора жизненного пути:^[12]

«Я получил письмо от матери — холодное, жесткое и фанатическое... Говоря о вас, мать пишет: “Я глубоко убеждена и вижу из Евангелия, что всякий, не признающий воскресшего Спасителя,

пропитан этим духом (духом Антихриста) и, так как из одного источника не может течь сладкая и горькая вода, я не могу признать здоровым учение, исходящее из подобного источника... Сам Толстой мне положительно симпатичен и я почти убеждена, что он еще попадет на путь истины” и т. д. И я не передавал бы вам всего этого, если б оно не относилось столько же до меня, сколько и до вас... Пишу вам об этом в надежде, что получу от вас хоть маленькую помощь... Вы правы, что во мне какое-нибудь непонимание, отсутствие сознания какой-нибудь существенной истины».^[13]

Еще один конфликт, о котором стоит упомянуть, был связан с семейными проблемами О. К. Дитерихс, сестры А. К. Чертковой, которая некоторое время находилась под влиянием Елизаветы Ивановны и разделяла учение об искуплении. В ноябре 1886 г. В.Г. Чертков сообщал Л.Н. Толстому о том, что отход Ольги Константиновны от евангельского христианства ужасно расстроил Елизавету Ивановну и вызвал упреки с ее стороны, но потом она нашла в себе силы примириться с сыном.

«И я почувствовал, — писал Чертков, — что ветхозаветный бог ненависти и нетерпимости отвалился, и что на место его обнажился наш простой общий бог любви и единения... Оказалось, что все, что перед тем казалось непреодолимыми препятствиями, разрушать которые мать моя не считала себя в праве перед своим богом, — все это само распалось, когда воскресла в ней любовь; и она мне сказала, что

Чертков по их переписке, с. 146.

^[13] Л. Н. Толстой. ПСС. Т. 85, с. 424.

^[14] Л. Н. Толстой. ПСС. Т. 87, с. 388.

^[10] Там же, с. 418.

^[11] Там же, с. 417.

^[12] См. Муратов М. В. Л. Н. Толстой и В. Г.

Лев Толстой и Владимир Чертков в Ясной Поляне.

вполне понимает, что я должен жить по-своему, и что это ничему не помешает».^[14]

В ответном письме Толстой писал:

«Все, что вы пережили и перестрадали, именно вы — сын — перечувствовал с большой силой. Знаю я эти разрывающие сердце положения, — сам только что пережил такое... Вы так хорошо живо мне описали, что мое сочувствие было на стороне вашей матери».^[15]

Читая эти письма, невозможно не проникнуться искренним сочувствием ко всем их персонажам, ведь в них ясно выражено и стремление отстоять свою веру и свои убеждения, и желание понять другого, и страх утратить близость с родными людьми, и мучительные сомнения, и мужество прощения...

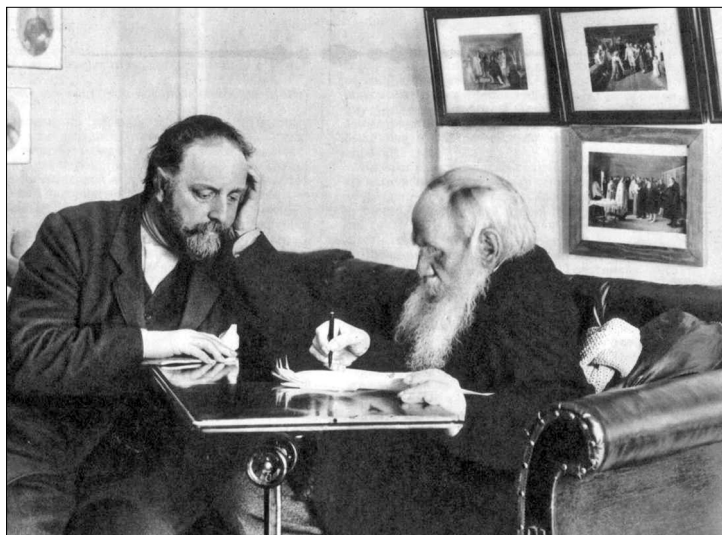
После описанных выше бурных переживаний на долгое время возникает

затишье. Елизавета Ивановна в последующие годы постепенно освобождалась от сектантской узости, становилась все более терпимой, и отношения ее с сыном не только смягчились, но стали совсем другими — нежными, взаимно доверчивыми и уважительными. Толстой в письмах к Черткову 1887–1910 гг. постоянно передает привет Елизавете Ивановне, а в апреле 1894 г. после визита к Чертковым, где она тоже гостила, пишет: «Все было хорошо, и ласковая и добрая Лиз[авета] Ив[ановна], которой передайте мой привет и благодарность».^[16]

А. Б. Гольденвейзер в своих воспоминаниях «Вблизи Толстого» упоминает об одном разговоре с Толстым в июле 1910 г., в котором он признается: «Теперь я убедился, что... вообще в церковной религии есть все-таки много важного, настоящего. Я хотел бы сказать это Елизавете Ивановне, ей было бы это приятно».^[17] А секре-

^[15] Там же, с 387.

^[16] Толстой Л. Н. ПСС. Т. 87, с. 268.

Л.Н. Толстой и В.Г. Чертков в Ясной поляне.

тарь Толстого В. Ф. Булгаков в своих воспоминаниях рассказывает такую историю: Елизавета Ивановна решила подарить для яснополянской библиотеки книги, излагающие евангелическое вероисповедание, но прежде она захотела узнать отношение Толстого к этому. Тот сказал, что очень рад, но при этом заметил: «Кажется, что нечего их читать, что все это уже известно. Вот точно такое отношение большинства и к моим книгам».^[17]

В последние годы жизни Л.Н. Толстого Елизавета Ивановна была участницей семейной драмы, происходившей в Ясной Поляне. А. Б. Гольденвейзер рассказывает о том, что в июне 1910 г. Елизавета Ивановна под предлогом приезда к ней евангелического пастора В. Фетлера пригласила к себе в гости Софью Андреевну Толстую в тайной надежде изменить ее отрицательное отношение к В.Г. Черткову. Вот как описывает эту историю В. Ф. Булгаков:

^[17] Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. / http://royallib.com/get/r/f/goldenveyzer_aleksandr/vblizi_tolstogo_zapiski_za_pyatnadsat_let.zip
^[18] Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М., Государственной изда-

«В Телятинки к Е. И. Чертковой... приехал известный баптистский проповедник Фетлер, одетый в длиннополый сюртук и в белую накрахмаленную манишку и заявил, что он хочет проповедовать крестьянам Ясной Поляны и Телятинок против Толстого... Когда я... рассказал об этом Льву Николаевичу, он повторил несколько раз: “Пре-

красно, прекрасно”. Впрочем, вечером Фетлер... уехал обратно на станцию. Он успел только проповедовать двум дамам: Е. И. Чертковой и С. А. Толстой, которая была приглашена по этому случаю в Телятинки».^[19]

Усилия Елизаветы Ивановны оказались тщетными, и в начале августа она написала Софье Андреевне письмо, в котором выразила свое негодование по поводу обвинений в адрес своего сына:

«Все, кто знают его, знают благородство его характера, его искренность, правдивость, самоотречение, безупречную нравственность и порядочность во всех отношениях... Во имя Господа, умоляю Вас, не дайте совести Вашей окончательно заглохнуть — заснуть непробудным сном, ведущим только к смерти, от которой уже никто и ничто не сможет Вас пробудить, но до которой в

тельство художественной литературы, 1960, с. 330.

^[19] Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой в последний год его жизни, с. 292-293.

Лев Николаевич читает свое новое произведение в кругу друзей у В.Г. Черткова (Мещерское, июнь, 1910 г.)

беспредельной любви своей Христос Спаситель Ваш не захочет Вас допустить».^[20]

Толстой, как писал Гольденвейзер, высоко ценил изменение отношения Елизаветы Ивановны к нему и ее попытки изменить отношение некоторых членов семьи Толстого к Черткову.

Из переписки и воспоминаний видно, что Толстого чрезвычайно заботило отношение к нему Елизаветы Ивановны как матери его ближайшего друга и просто как человека. В июле 1901 г. Толстой отправил Черткову письмо, которое тот пообещал передать Елизавете Ивановне «в добрую минуту»:

«Поклон Лизавете Ивановне и выражение моего чувства грусти всегда, когда думаю о ней, что она не любит меня, упрекает меня в душе и упрекает напрасно. То, на чем мы сошлись с вами (и что называют моим увлечением вас), происходит в такой области, для которой не может быть никаких соображений о земных, мирских отношениях.

Люди устанавливают отношение своей бессмертной души к богу, за такое дело, как оно ни чуждо нам, нельзя обвинять никого. Но это философия, а мне просто хотелось бы попросить Лиз[авету] Ив[ановну], чтобы она не не любила меня. Я во столк[ом] виноват перед многими, что, вероятно, и перед ней, и я прошу ее, чтобы она простила меня. Пишу это вам. Лиз[авете] Ив[ановне] же лучше не показывать этого письма, а вы сами своими словами лучше скажете то, что бы ее смягчило ко мне».^[21]

И снова в июле 1909 г. в письме Черткову Толстой просит: «Привет вашим. Лизавете Ивановне. Как бы хотелось, чтобы она любила меня хоть немножко».^[22]

В августе 1910 г., за несколько месяцев до своего ухода Толстой говорил о Елизавете Ивановне: «Прежде она меня не любила и всячески старалась отдалить Владимира Григорьевича от меня. А теперь — наоборот: все старается помочь нам».^[23]

^[20] Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого.

^[21] Л. Н. Толстой, ПСС. Т. 88, с. 241-242.

^[22] Толстой Л. Н. ПСС. Т. 89, с. 132.

^[23] Там же.